

Sensus communis в эстетико-политической теории Рансьера и Лиотара

Научный руководитель – Янпольская Яна Геннадьевна

Кадошников Иван Алексеевич

Аспирант

Российский государственный гуманитарный университет, Философский факультет,
Москва, Россия

E-mail: Ivan1998Kadoshnikov@gmail.com

Введение: парадоксы кантовской эстетики в оптике Лиотара и Рансьера

Заочный спор Жака Рансьера с Жан-Франсуа Лиотаром, развернутый вокруг переосмысления кантовской эстетики, хорошо известен[1]. Если Рансьер отталкивается от предпосылок, заложенных в эстетике прекрасного (соединенных с трансцендентальной эстетикой «Критики чистого разума»), то Лиотар является одним из ключевых представителей эстетики возвышенного. Тем интереснее посмотреть, как Лиотар может выступить на поле Рансьера: иными словами, что лиотаровское прочтение эстетики прекрасного способно привнести в этот заочный спор. Одной из точек схождения выступает общее для обоих философов обращение к *sensus communis* — одному из наиболее проблемных и вместе с тем эвристически ценных понятий «Критики способности суждения».

Эстетический режим искусства и разрыв каузальности: позиция Рансьера

Оба философа сходятся в том, что *sensus communis* не является сообществом эстетов или ценителей вкуса. В остальном же они расходятся принципиально. Для Рансьера *sensus communis* переосмысливается в собственном ключе и отождествляется с эстетическим сообществом, которое не конституировано на основе изначального единства или общего принципа[3]. Эстетика здесь предстает специфическим принципом действительности, связанным как с практикой «политики» (разделением чувственного), так и с определенным режимом искусства. Взаимосвязь этих понятий конституируется на основе имманентного обоим полюсам принципа дифференциации, обеспечивающего «единство в различии». Любой принцип предварительной детерминации, в соответствии с которым конституировалось бы сообщество или произведение, утверждает принцип подчинения и отрицает саму возможность политики. Ответ Рансьера однозначен: политика и есть эстетика, то есть разрыв чувственных принципов конституирования сообщества, производящийся в различии.

Эстетический режим, возникающий в результате распада миметического режима (в котором существовало легитимное соотношение между чувственной манифестацией образа и способом его понимания), основан на имманентной эстетике действительности. Именно здесь Рансьер обращается к Канту: способность эстетического суждения выступает обоснованием разделенности между понятием как способом объяснения и удовольствием как чувственной манифестацией. Эстетика основана на разрыве с определенностью, а чувственный сенсориум стирает грань между частностью произведения и публичной «чувственной тканью» сообщества.

В этой логике важны две вещи. Во-первых, для Рансьера эстетическая действительность базируется на разрыве с каузальной опосредованностью. Разрыв причинности предполагает отрицание темпоральности (как в миметическом, так и в модернистском искусстве возвышенного). Эстетический разрыв опирается на пространственную «сцену» настоящего, в которой конституируется субъект[2]. Во-вторых, чувственный сенсориум становится условием субъективации: субъект буквально «собирает» из чувственных данных способ собственной явленности, не детерминированный ничем иным.

«Неразумное сообщество» и недоказуемость чувственности у Лиотара

В противовес Рансьеру, Лиотар отталкивается от принципиальной дизъюнкции между формами чувственности первой «Критики» и эстетикой суждения в третьей. Это препятствует формированию субъекта в общем сенсориуме «эстетического сообщества». Лиотар не просто согласен с Рансьером в том, что эстетика не может конструировать сообщество на основе единства, но идет дальше: эстетика в принципе непереводаема в регистр политики (поскольку последняя опосредована разумным интересом). Общность же, формируемая в эстетическом удовольствии, неизбежно оказывается «беспамятной» и «неразумной» [4].

Для Лиотара *sensus communis* представляет собой «иное» понятия. Он основан на специфическом «неденотативном синтезе», оспаривающем синтетическую деятельность рассудка. Эстетическое суждение не производит знания об объекте, но тем не менее осуществляет синтез между субъективными способностями и производимым ими чувством. Несмотря на отсутствие познавательной функции и непосредственность понятием, результат этого синтеза предполагает универсальную сообщаемость. Избегая антропологизации, Лиотар помещает *sensus communis* на пересечении этого двойственного синтеза: это не сама чувственность (пространство, общее у Рансьера), а принцип и условие сообщаемости. Само порождаемое постфактум чувство (*sens*) остается непередаваемым [5].

Поэтому *sensus communis* не является общим: в той мере, в какой он осуществляет синтез, он непередаваем, а в той мере, в какой он сообщаем, он не является чувственным. Лиотар возводит эту неопределенность к идее сверхчувственного субстрата способностей, где *sensus communis* служит лишь «гипотипозой», чувственной манифестацией. Иными словами, то чувственное основание, которое гипотетически могло бы стать базой общности, оказывается недоказуемым и конститутивно разделенным.

Заключение: субъект *in statu nascendi* и ловушка эмансипации

Если для Рансьера ключевой является действительная общность сенсориума, то Лиотар видит в перспективе подобного прочтения риск трансцендентальной иллюзии и возврата к антидемократическому подходу. Для Лиотара *sensus communis* — это субъект в состоянии зарождения (*in statu nascendi*), неспособная к передаче гармония способностей. Эстетический субъект конституируется еще до той точки, где возможна процедура «сборки» чувственности.

Если Рансьер упрекает лиотаровское возвышенное в гипостазировании субъективности (возвращающем причинность в сердце сенсориума), то Лиотар на территории эстетики прекрасного выбивает почву из-под ног самого чувственного субъекта Рансьера. Этот субъект никогда не явлен самому себе; если же эта субъективность производится, то она неизбежно конституируется рассудком, что возвращает логику целесообразности и подчинения.

Это ставит субъективность перед своеобразным *double bind*. Либо субъективность обеспечивает сборку чувственного (что означает рассудочную направленность, угрожающую восстановлением формы подчинения), либо субъект остается всегда отсутствующим для себя, обладая лишь регулятивно задаваемой моделью сообщаемости. Первый вариант, за который выступает Рансьер, в своем эмансипационном пафосе рискует обернуться против собственных принципов. Второй вариант Лиотара более пессимистичен, но значительно более осторожен. Лиотар призывает сохранять «неразумное сообщество» во всей его нищете, избегая опасного синтеза эстетики и политики.

Источники и литература

- 1) Рансьер, Жак. Разделяя чувственное / пер. с фр. В. Лалицкого, А. Шестакова . — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. — 264 с.
- 2) Palmusaari J. For revolt: Rancière, abstract space and emancipation. New York, NY: Bloomsbury Academic, 2024. P. 236.

- 3) Rancière J. Aesthetic Separation, Aesthetic Community. // The Emancipated Spectator / Tr. by G. Elliot. London: Verso, 2009. P. 51-82.
- 4) Lyotard J-F. The Differend Phrases in Dispute. Translation by Georges Van Den Abbeele. Manchester University Press.1988. 226 P.
- 5) Lyotard J-F. Sensus communis: The Subject in statu nascendi // Who comes after the subject / Ed. by E. Cadava. New-York: Routledge, 1991. P. 217-236.